

От редакции. Дэвид Форрест, исследователь творчества Д. Б. Кабалецкого, доктор философии, профессор RMIT University (Австралия) посвятил главу своей докторской диссертации «Образовательная теория Дмитрия Кабалецкого в связи с его фортепианной музыкой для детей» теме влияния развития технологий и средств массовой информации. В ней он, обращаясь к наследию Дмитрия Борисовича, приводит размышления и выводы композитора, связанные с этой проблемой. Как писал Кабалецкий, достижения в области технологий могут быть использованы преподавателем музыки как значительное преимущество. В 1969 году Кабалецкий сформулировал более широко проблему, которую считал играющей основную роль в процессе образования и важной для самого преподавателя: «Каждая передача по радио и телевидению и каждый фильм, вне зависимости от его размера, жанра, основной темы и прочих характеристик, служит двум целям,— либо содействовать идеологическому и эстетическому образованию людей, или воспрепятствовать этому... Точно так же каждый составитель программы, любой, кто предоставляет для программы ту или иную музыку, есть в буквальном и самом высоком смысле этого слова педагог».

Эти идеи, по мнению редакции журнала, не просто актуальны в наше время, они являются, может быть, одной из главных проблем современного образования, поэтому мы публикуем доклад Д. Б. Кабалецкого в нашей рубрике, которая так и называется «Еще раз о главном».

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ МУЗЫКИ

ДОКЛАД НА VIII КОНФЕРЕНЦИИ ИСМЕ

MUSICAL EDUCATION AND TECHNICAL MEANS OF MUSIC DISTRIBUTION

REPORT AT THE VIII ISME CONFERENCE

КАБАЛЕВСКИЙ ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ
KABALEVSKY DMITRIY BORISOVICH

Мечты, претворенные в действительность

Мог ли представить себе Моцарт, что его симфония, сыгранная для нескольких сотен просвещенных ценителей музыки в нарядном зале венского особняка, одновременно может быть услышана не только в других домах австрийской столицы, не только в любом другом городе страны и даже в любой другой стране, но и во всем мире?!

Могли ли Бетховен, Берлиоз и Чайковский, обращавшиеся в своем творчестве к широким народным массам, представить себе, что когда-нибудь музыка их окажется действительно доступной этим массам в любой точке земного шара?!

Могли ли великие виртуозы прошлого допустить мысль, что со временем искусство музыкантов-исполнителей, записанное на пленку и пластинку, будет сохраняться на века, точно так же как сохраня-

ются в записи на нотную бумагу творения их современников-композиторов?!

В лучшем случае это были мечты. Только мечты. А музыка продолжала быть уделом немногих избранных. Каждое исполнение музыкального произведения оставалось доступным лишь тем, кто присутствовал при этом исполнении — единственном, неповторимом и навсегда умиравшем вместе с последним звуком...

Но мечта претворилась в действительность. На глазах моего поколения произошло это чудо. Появилась первая пластинка, первая магнитофонная пленка, первый звучащий киноэкран, первая передача музыки по радио, по телевидению.

Открылись невиданные дотоле перспективы художественного просвещения таких широчайших народных масс, о которых не мечтали даже Бетховен, Берлиоз, Чайковский.

Появление технических средств массового распространения музыки смело можно назвать революцией, сыгравшей в мировой музыкальной культуре не меньшую роль, чем в свое время сыграло изобретение нотной письменности.

Обоюдоострый нож

Одним и тем же ножом можно и спасти человека от смерти, и лишить его жизни. Все зависит от того, кто возьмет в свои руки этот нож.

Такому «ножу» можно уподобить любое техническое средство распространения культуры. На одном и том же ленте можно набрать и гениальные творения Шекспира, облагораживающие сознание и души множества людей, и бездарные порнографические книжонки, растлевающие сознание и души тоже множества людей. С одного и того же киноэкрана можно проповедовать и идеалы гуманизма, и звериную философию человеконенавистничества. Величайшего благородства артист и величайший пошляк пользуются одним и тем же микрофоном, одной и той же пленкой, одними и теми же грампластинками.

Все от людей! Все от их совести, от их убеждений, от их намерений, от уровня их культуры! Какая же гигантская моральная ответственность перед обществом ложится на тех, в чьих руках находятся новые, могучие средства массового распространения искусства!

Невозможно оспаривать огромную положительную роль, какую эти средства играют сегодня в культурной жизни народов земного шара, особенно в тех странах, где заботу об эстетическом просвещении народа взяло на себя государство.

Однако, к сожалению, этим не исчерпывается все их влияние на современную культуру...

Рождение музыкально-развлекательной индустрии

С первых же шагов технической революции в музыке обнаружилось острое противоречие, присущие самой природе этой революции.

Первое из этих противоречий заключалось в том, что музыка, ранее доступная немногим, обреченным знатокам, стала доступной огромному числу людей, совершенно не подготовленных к восприятию серьезного искусства, развитых форм. Не удивительно, что значительная часть тех, кто впер-

вые приобщился к музыке, зазвучавшей по радио и телевидению, с грампластинок и киноэкранов, охотнее всего откликнулась на легкую развлекательную музыку, не требующую для своего восприятия ни опыта, ни специальной подготовки, ни затраты умственных и духовных сил.

Нужно учесть также и то, что произошло это в нелегкую для человечества эпоху кровопролитных войн и социальных потрясений, когда многие хватались за любую возможность немного отвлечься и развлечься.

Спрос на развлекательную музыку был чутко уловлен теми, в чьих руках оказались средства ее массового распространения, и поток поверхностного развлекательства хлынул на массы людей, которых нельзя винить в том, что они часто не умели отличить настоящее искусство от дешевых подделок под него.

Легкую музыку наряду с такими первоклассными, талантливейшими композиторами-профессионалами, как Джордж Гершвин и Исаак Дунаевский, стали сочинять сотни, а может быть, тысячи бездарных ремесленников, почуявших здесь запах золота. Хорошая легкая музыка, радуя людей, украшала их жизнь. Плохая легкая музыка стала средоточием легкого отношения к искусству, средоточием пошлости и безвкусицы, невежества и безнравственности.

Второе противоречие технической революции в музыке, в значительной мере вытекающее из первого, заключается в следующем: бурное развитие технических средств массового распространения музыки связало область художественной культурно-воспитательной деятельности с промышленным производством, со всякого рода предпринимательством, с областью коммерции, которая, как известно, далеко не всегда согласует свои действия с идейно-художественными идеалами.

Так родилась музыкально-развлекательная индустрия, недооценивать влияние которой на современную культуру было бы более чем легкомысленно.

Великое благо становится великим злом

К триаде, определяющей музыку как живое искусство, «композитор — исполнитель — слушатель» — добавилось новое звено: посредник между музыкой и слушателем. Иногда этот посредник — сам предприниматель, менеджер, иногда — составитель программ, редактор, музыкальный оформитель на радио, на телевидении и т. д.

Зависимость деятельности этих посредников от их субъективных вкусов и особенно от коммерческой выгоды наиболее обнаженно проявляется в тех странах, где массовые средства распространения культуры находятся в частных руках. Коммерческий интерес, погоня за прибылями, необходимость все время расширять круг своих потребителей вынуждают предпринимателей ориентироваться на более привычное, более легкодоступное, более бездумно развлекательное. В итоге самым «выгодным» оказывается эксплуатация самых дурных (но зато сегодня еще весьма распространенных) вкусов, влекущая за собой не только укрепление этих вкусов, но и дальнейшее их распространение.

Возникает циничный бизнес, не щадящий ни искусства, ни человеческих душ.

Коммерсант от музыки и даже самый обычный малокультурный музыкальный сотрудник решают вопрос чрезвычайно просто: «коммерческий джаз» больше развлекает и дает больший доход, чем Бостонский симфонический оркестр, значит, надо выпускать больше записей этого джаза. По той же причине Брубек начинает теснить Брамса, а Проккофьев, Онеггер, Барток, Яначек вынуждены уступать место дешевым эстрадным боевикам.

Выдающимся певцам приходится вступать в соревнование с безголовыми, но отважными эстрадными «звездами», пытающимися заменить отсутствующий голос микрофоном, богатство человеческих эмоций — то мистическим шепотом, то истерическими воплями.

Музыкально-развлекательная индустрия не пощадила и великих классиков. Саксофон цинично подвывает тему Первого фортепьянного концерта Чайковского, превращая эту чудесную, целомудренно чистую мелодию в заурядную сексуальную песенку-фокстрот. Засурдиненные тромбоны «кваккают» интонации мужественной темы Пятой симфонии Бетховена. Вокальные квартеты, секстеты и дубль-секстеты поражают нас мастерством исполнения сложных инструментальных пьес Баха, одновременно убивая механическим джазовым ритмом ударника душу баховской музыки, ее метрическую свободу, непрерывность ее развития!

Радио, телевидение, грампластинка и киноэкран — вот на чем прежде всего держится, развивается и теснит всю остальную музыку продукция музыкально-развлекательной индустрии.

Так великое благо современной культуры становится и ее великим злом.

Духовное богатство или легкое развлечение

Генеральной проблемой современной музыкальной культуры является, с моей точки зрения, острая борьба двух взглядов на музыку. Первый из них был свойствен передовым людям всех эпох и народов, людям искусства и науки, людям общественной мысли, людям философии и политики. Согласно этому взгляду музыка представляет собой важную, большую и серьезную часть жизни, могучее средство духовного обогащения человека, его идейного и нравственного развития.

Так смотрели на музыку не только Бетховен и Чайковский, но и Шекспир и Лев Толстой, Ромен Роллан и Максим Горький, Пифагор и Эйнштейн...

Этот взгляд возникает там, где широк горизонт. Он возникает на вершинах человеческой культуры.

Там же, где с культурой обстоит не вполне благополучно, там в музыке видят лишь легкое, бездумное развлечение, лишь дополнение к досугу, к отдыху.

Моцарт не помогает мне отдохнуть — долой Моцарта! Мусоргский утомляет меня своей глубиной — долой Мусоргского! Шостакович не развлекает меня — долой Шостаковича! — такова нехитрая концепция, неизбежно вытекающая из этого взгляда.

Но в нем самом заключено глубочайшее противоречие. «Развлекательная» музыка не только развлекает. Она тоже наполняет душу и сознание человека — но чем? Она тоже воспитывает его чувства, тоже формирует его мировоззрение и нравственность — но в каком направлении?

Надо называть вещи своими именами: она часто растлевает сознание и калечит души, особенно молодых людей. Когда развлекательной музыки слишком много и тем более, конечно, когда она плохая, она обладает способностью отуплять сознание человека. На этой почве бизнес иногда смыкается с политикой — там, где стремятся любой ценой отвлечь молодежь от общественно-политических интересов, от размышлений над острыми социальными проблемами современности.

Я не хотел бы быть понятым так, будто я призываю к «крестовому походу» против легкой, развлекательной музыки вообще. Нет, я бесконечно далек от этой мысли. Я думаю, что потребность в такой музыке свойственна всякому нормальному человеку, как свойственны ему потребность в улыбке, в шутке, потребность отдохнуть, развлечься, потанцевать.

Безграничная любовь к серьезной музыке никогда не мешала мне, и сейчас не мешает, любить также и хорошую легкую музыку, включая и джазовую. Я даже сам сочинил такую музыку не без удовольствия. Одно, по-моему, не только не исключает другого, но, напротив, дополняет, как чувство юмора, умение весело отдохнуть дополняет образ самого серьезного человека.

Я против крайностей. Человек, снобистски отрицающий легкую музыку, по-моему, неразумен и беден, как неразумна и бедна всякая односторонность. Но, конечно, в тысячу раз неразумнее и беднее человек, не желающий знать никакой другой музыки, кроме легкой. Это уже не просто односторонность — это духовное убожество, духовная нищета!

Вот против такого убожества, такой нищеты, равно как против всякой пошлости, безвкусицы в искусстве, я готов вести борьбу до конца моих дней!

Иммунитет против пошлости

В условиях чудовищной засоренности мирового музыкального быта особую сложность приобретает вопрос об эстетическом воспитании детей, юношества, молодежи.

Есть такая закономерность: человек, знающий, любящий и понимающий серьезную музыку, обычно ценит и прелесть легкой музыки, всегда умея при этом отличить хорошее от плохого. А вот те, кто не хочет знать никакой другой музыки, кроме легкой, даже в этом узком мирке развлекательности никак не могут понять, что хорошо, а что плохо.

Отсюда вытекает основная задача: формирование хорошего вкуса надо начинать в самом раннем детстве. Надо, чтобы подростки, когда они встретятся с легкой музыкой, уже понимали прелесть и красоту большого, серьезного искусства и ощущали разницу между хорошим и плохим. Надо, чтобы хорошая народная, классическая и современная музыка входила в круг детских интересов в те же ранние годы, когда входит в этот круг умная и добрая книга.

Только любовь и привычка к подлинному искусству может стать надежным иммунитетом против пошлости, против дурного вкуса!

К сожалению, в школьных занятиях музыкой учителя чаще всего игнорируют легкую музыку, буд-то ее вовсе нет. Но ведь сами-то они танцуют не под Баха и не под Прокофьева. И в ресторане ужинают не под Бетховена и не под Равеля. И в оперетту

идут, наверняка зная, что там будет звучать не Мусоргский и не Барток.

И воспитанники их — подростки, часто еще неустойчивые в своих вкусах, — удовлетворяют потребность в легкой музыке из источников далеко не всегда доброкачественных. А так как источники эти действуют весьма энергично, можно сказать, «массированно», соревнование между серьезной, даже высокохудожественной музыкой и дурными подделками нередко заканчивается бесславленным поражением искусства, составляющего славу и гордость человечества.

Школа должна помочь своим питомцам разобрататься в сложном сплетении различных явлений современной музыкальной жизни.

Воспитание воспитателей

Насколько я знаю, во всех странах мира, где по-серьезному выдвинута задача массового музыкального просвещения, остро стоит проблема «воспитания воспитателей».

Беда в том, что многие люди, направляющие процесс широкого проникновения музыки в народные массы, оказываются, может быть, и хорошими людьми, но очень плохими воспитателями.

А ведь каждый человек независимо от его должности и звания, если он составляет концертную программу, программу радио и телевидения или план грамзаписей, принимает или отклоняет музыку в кино, даже просто работает в радиоузле на пароходе или в поезде, должен быть воспитателем. Ведь он обязательно чему-то учит людей, обязательно влияет на их представление о жизни, на их внутренний, духовный мир.

Еще в большей мере это, конечно, относится к сочинителям музыки и к ее исполнителям. Каждое написанное и каждое исполненное произведение — это не только творческий и исполнительский акт, но также акт педагогический и воспитательный. Так должно быть, но, увы, бывает далеко не всегда.

Композитор, сочиняющий музыку к антиэстетическому, безнравственному, антигуманистическому кинофильму, не говоря уже о фильмах-рекламах, прославляющих «лучший в мире сыр», «лучшие в мире бюстгальтеры», «лучшие в мире унитазаы», композитор, поставляющий репертуар огромной армии бездарных певиц и певцов, — такой композитор вряд ли ощущает себя воспитателем. Гонорар, ве-

роятно, оказывается здесь более действенным стимулом, чем любые педагогические, воспитательные идеалы...

Думаю, кстати, что от этих идеалов весьма далеки и любые экспериментаторы-авангардисты, адепты абстрактного искусства, заботящиеся лишь о том, как бы не отстать от моды. Быть новым! Во что бы то ни стало новым! Новым хоть на один день! Вот их единственная цель!

Здесь происходит парадоксальное смыкание, казалось бы, диаметрально противоположных сфер музыкальной деятельности: легкой, развлекательной музыки дурного качества, усиленно внедряемой в повседневный быт, и музыки интеллектуально-абстрактной, претендующей на полную независимость от всяких жизненных связей.

Обе сферы оказываются неспособными выполнять важнейшую функцию искусства — украшать жизнь подлинной красотой, облагораживать духовный мир человека.

Воспитывать детей, подростков, молодежь — это значит также воспитывать и воспитателей! И обязательно воспитывать самого себя!

Четыреста репродукторов у Вареза и один — у Моцарта

Технические средства заявили о себе в творчестве весьма громко, с широкой рекламой, но (пока во всяком случае) без заметных художественных результатов. Самодовлеющий интерес к новым звучностям и к новым методам формообразования в отрыве от больших идейно-эстетических задач не имеет никаких точек соприкосновения с подлинным творчеством. Не случайно в значительной своей части «конкретную» и «электронную» музыку пытаются конструировать не музыканты, а инженеры.

Многочисленные опыты в этой области принесли несомненную пользу лишь там, где технические средства входят в природу данного вида искусства или способа его исполнения: в кино, в различных радио- и телекомпозициях.

Скудная палитра примитивных шумов, которыми мы пользовались в кино и на радио еще 10–15 лет назад, обогатилась многими совершенно новыми и очень интересными возможностями. Сейчас можно пропеть «тембром ветра» или «тембром гудящих телеграфных проводов» двух-трехголосную хоровую песню, даже фугу, шум набегавших на берег морских волн может быть интонационно «уточнен» и

включен в партитуру наряду с любым инструментом оркестра. Неслыханные ранее тембры уведут наше воображение в причудливые миры фантастики, в космическое пространство.

Не лишены интереса опыты тех композиторов, которые пытаются включать собственные сочинения, созданные естественным творческим путем, в фон, состоящий из записанных на пленку «конкретных» шумов, звуков природы и даже ранее кем-то сочиненной музыки.

Однако всем этим опытам, какими бы интересными некоторые из них ни казались, присущи два свойства, как правило, лишаящие найденные результаты черт подлинного творчества. Первое: как правило, в достижении этих результатов отсутствует яркое идейно-творческое начало, господствует рациональный расчет, голая техническая конструкция. Второе: все эти опыты приводят к созданию «синтетической» (искусственной) музыки, исключающей творческий акт исполнения, исключающей то напряжение живой мысли, то душевное волнение, то трепетное биение сердца, без которых нет и не может быть подлинного искусства. Потому что искусство — это прежде всего человек! Сознание, сердце и душа живого человека (да простят мне конструктивисты XX века!) — далеко не последняя деталь в искусстве!

Пожалуй, наибольшую сенсацию в области «электронной» музыки вызвала «Электроническая поэма» Эдгара Вареза, демонстрировавшаяся по десять раз в день в течение нескольких месяцев на Всемирной выставке в Брюсселе ЭКСПО-58. Инициатором создания этой поэмы была голландская электропромышленная фирма «Филипс». Рекламная цель явно превалировала здесь над художественным интересом. Специальный павильон для исполнения поэмы сконструировал знаменитый Корбюзье. Увы, это было не лучшим сооружением выдающегося архитектора наших дней. Внутренность небольшого павильона, с одним входом и одним выходом с противоположной стороны, со складчатым потолком, сливавшимся с такими же складчатыми стенами, неприятно напоминала по своей форме внутренность человеческого пищевода. В павильоне гасился свет. По складкам скользил кинофильм, похожий на видения, мучающие нас в состоянии болезненного бреда. Одновременно 400 (!) репродукторов, вмонтированных в те же складки, обрушивали каскад пронзительных свистков, дьявольских щелчков, отвратительных урчаний и бурчаний. Пожалуй, звуки эти вполне отвечали внутренней форме павильона.

Четыреста репродукторов для исполнения одной поэмы! Вот что такое реклама! Вот что такое коммерческий интерес и его влияние на искусство!..

В том же 1958 году я был в одной деревне на севере нашей страны, в скромной сельской школе. Шел урок музыки. Молодая учительница рассказывала 12–14-летним ребятам о Моцарте. А потом включила единственный в школе репродуктор. И из школьного радиоузла зазвучала ни с чем не сравнимая по своей человечнейшей красоте мелодия сольминорной симфонии великого композитора. Затаив дыхание, слушали ребята эту гениальную музыку.

Две цифры — 400 и 1! Одни и те же технические средства — магнитофонная пленка и репродуктор... Но чему отдать предпочтение? Я не колеблясь отвечаю: один репродуктор в сельской школе дал человеческой культуре больше, чем четыреста репродукторов на международной выставке в культурнейшей столице мира!

Наши успехи и наши трудности

Задача всеобщего музыкального воспитания была выдвинута в нашей стране как задача государственной важности еще в 1918 году. Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции основой художественной политики молодого государства стал тезис Ленина о том, что настоящее, большое искусство должно принадлежать всему народу. Первым же декретом Советской власти об общеобразовательной школе музыка (как и рисование) была включена в школьные программы в качестве обязательного предмета.

Появление новых технических средств и постепенное оснащение ими учебных заведений значительно продвинули вперед решение этой задачи. Распространение этих средств способствовало широкому распространению в народе любви и интереса к музыке, причем далеко не только в крупных городах. Огромное количество писем от детей и взрослых, касающихся музыки, приходит сейчас (даже преимущественно) из небольших рабочих поселков, деревень и маленьких городков. Тяга к искусству растет буквально с каждым днем.

Позволю себе привести лишь несколько примеров.

На Всесоюзном фестивале детского искусства, который прошёл осенью проходил в большом пионерском лагере «Орленок» на Кавказском побережье Черного моря, среди коллективов, занявших первые места, был прекрасный оркестр русских на-

родных инструментов из школы маленького, расположенного в Уральских горах рабочего поселка Мундыбаш.

Из далекой от Москвы деревни я получил список записей, необходимых для школьных занятий музыкой. Этот список включал Бетховена и Шопена, Баха и Шостаковича, Чайковского и Равеля. Кстати, на музыку «Болеро» Равеля, как я совсем недавно узнал из другого письма, на острове Сахалин детский школьный коллектив поставил большую композицию на тему о борьбе человечества за счастье.

Последний пример, о котором вам будет интересно узнать. На Украине, в обыкновенной средней школе села Тарасовка уже много лет существует школьный кукольный театр, в котором все спектакли с музыкой ставятся только на французском языке. А хор этой школы несколько месяцев тому назад участвовал в моем авторском концерте в Киеве, отлично исполнив трудную партию в «Реквиеме» вместе с лучшими профессиональными коллективами Украины.

Подобных примеров я мог бы привести очень много. Я мог бы рассказать о том, что на каждое свободное место в детской музыкальной школе в среднем по всей нашей стране (а их у нас свыше четырех с половиной тысяч) подается двадцать — двадцать пять заявлений. Я мог бы рассказать и о плодотворной деятельности бесчисленных музыкальных кружков, студий и т. д.

Все это и многое другое, как я уже сказал, было бы недостижимо без широкого распространения технических средств — прежде всего радио, телевидения и грамзаписей. И вот здесь эти средства предстают перед нами как величайшее завоевание современной культуры, как подлинное благо человечества.

Но как бы высоко ни расценивать успехи, достигнутые в нашей стране на пути массового музыкального воспитания, я не могу сказать, что задача эта уже полностью решена. Она все еще стоит перед нами, как светлый идеал. Много трудностей встает на этом пути. Две из них я считаю основными.

Первая заключается в том, что тяга к культуре вообще и к музыке в частности растет гораздо скорей, чем растут возможности ее удовлетворения. Мы еще не можем обеспечить высококвалифицированными воспитателями-учителями и совершенным материальным оборудованием все двести тысяч общеобразовательных школ, тысячи музыкальных школ, все клубы, дворцы культуры, дома пионеров и т. д. Нам все еще не хватает хороших музыкантов и

певцов для симфонических оркестров, музыкальных театров и хоров, число которых непрерывно возрастает. Только точный, рассчитанный на годы вперед государственный план в состоянии одолеть эту трудность.

Вторая трудность связана с тем, о чем я говорил в начале своего доклада. Имею в виду губительные для развития подлинной музыкальной культуры влияния дурной, безвкусовой, безнравственной развлекательной индустрии, которые, идя из некоторых стран Запада, пытаются сейчас завоевать весь мир.

Широчайшее распространение технических средств исключает сегодня возможность установления каких-либо преград на пути этой продукции, каких-либо «фильтров», очищающих музыкальную атмосферу, которой приходится дышать не только взрослым, но и детям и подросткам. Под влиянием различных факторов атмосфера эта очень заметно дает сейчас знать о себе и в нашей стране.

Надо ли говорить, что подобные влияния выполняют роль сильнейшего тормоза в деле массового эстетического воспитания, а то и роль стрелочника, переводящего стрелку с главного пути в тупик. Но я оптимист, я верю в торжество высокой эстетической культуры так же, как и в торжество разума. И верю в то, что задачу всеобщего музыкального просвещения народа мы решим!

ИСМЕ и век культуры

XX век часто называют веком науки и техники, веком атома, веком космоса и т. д. Каждое из этих определений имеет право на существование, но каждое из них и даже все они, вместе взятые, отражают лишь частицу истины. Гигантский научно-технический прогресс в наше время создает иллюзию того, что наука и техника становятся основным содержанием жизни человечества. Так ли это? Человек овладел космическими скоростями, но если у него самого пульс превышает 60 ударов в минуту, ему не разрешат лететь в космос! Человек научился измерять неправдоподобно малые и неправдоподобно большие величины, но ни один из найденных им научных методов не может измерить силу любви или ненависти! Сколь глубоко ни погружался бы человек в микро- и макрокосмос, он не найдет там ответа на вопросы: что такое благородство, а что такое пошлость? Что такое героизм, а что такое трусость? Что такое красота, а что такое уродство?..

В научных, особенно физико-математических, кругах сейчас можно встретить людей, главным образом молодых ученых, которые склонны презирать все, кроме своей научной проблемы. В первую очередь они презирают искусство, отрицая его жизненное значение, его воспитательную роль, в лучшем случае отводя ему место приятного «хобби». Любопытно, что против такой ограниченности энергично выступают крупнейшие представители тех же физико-математических наук, которые понимают, что можно быть знающим человеком и при этом ничтожной личностью. Они понимают, что ни одна наука, даже самая развитая и самая утонченная, не может заменить искусство, когда речь идет о формировании духовного мира людей.

В сложных противоречиях нашей жизни искусство не только не исчезает, но, напротив, на него ложится все большая и большая ответственность за воспитание новых юных поколений. Музыке, самому эмоциональному искусству, неотразимо воздействующему на человека, принадлежит здесь особенно важное место.

Я думаю, что наша международная организация — ИСМЕ — должна и может сделать гораздо больше, чем она уже делает для пропаганды идей всеобщего музыкального воспитания и для претворения этих идей в жизнь. Мы не должны останавливаться перед обращением ко всем, от кого в той или иной мере зависит успех в этом деле, включая правительственные учреждения стран мира и даже сами правительства.

Музыка — это не просто искусство! Музыка учит людей понимать друг друга, музыка воспитывает в людях гуманизм, помогает человечеству защищать мир.

ИСМЕ должно стать факелом всеобщего музыкального просвещения народов мира в наш век, который правильнее всего было бы назвать веком культуры!

Дижон (Франция), 1968 г.

